

ГЕННАДИЙ КОПЫТОВ

Вдоль да по речке...

Геннадий Копытов
Вдоль да по речке...

«Издательские решения»

Копытов Г.

Вдоль да по речке... / Г. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966900-1

Родина... Для каждого из нас она разная. Для кого-то это СССР, кому-то Российская Империя... Но она Одна на всех, как в песне! Помните о Ней, берегите и защищайте!

ISBN 978-5-44-966900-1

© Копытов Г.
© Издательские решения

Содержание

Т-130	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вдоль да по речке...

Геннадий Копытов

© Геннадий Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-6900-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вдоль, да по речке... Сюрреализм

[Геннадий Копытов](#)

Памяти Великой, никем не побежденной,
но исчезнувшей с карт...

Есть людидвигающиеся в черном
кольце губительных совпадений.
Присутствие их тоскливо, их речи
звучат предчувствиями, их близость
навлекает несчастье.

А.С.Грин

On the traitors and destroyers of the
Motherland mercy does not apply...
Edgar Allan Poe
«The Fall of the House of Usher».

Подобно тому, как корабль устремляется к воде со сходней, штормовой осенней ночью, двенадцатиэтажная серая каменная коробка с погашенными огнями дрогнула, хрустнув четырёхметровым парашютом пляжа и скрежеща срываемыми плитами тротуара, выдавливая изпод себя вывернутые монолитные глыбы фундаментов, медленно двинулась в сторону захваченного начинающимся приливом пляжа.

Позади оставался котлован, дохнувший в небо смрадом разложившихся веков...

Тяжелый дождь грохотал по бетонной набережной. В глубине берега зловеще дремал пустынный городишко – убожество урбанизации, архитектурный хлам, светлым окном, не показывая о своем существовании. Фонари по распоряжению городских властей, в целях соблюдения режима экономии энергии, отключались, и мрак, сгущаемый и сублимируемый дождем, был вязким и реальным.

Дом двигался очень тихо, не беспокоя даже чуткого сторожа Здюжкина, который и первый же стал жертвой этого странного события.

Около шести сорока двух, поутру как обычно, он выходил через стеклянные двери, с гордостью оборачиваясь назад на серый мрамор доски с надписью «Научно Исследовательский институт архитектуры и строительства».

Так произошло и на этот раз, но ступенек с чугунными перилами уже не было.

Он даже успел полюбоваться табличкой, но не долго, так как устремился по вектору, перпендикулярному центру земли, с квадратно нарастающим ускорением «g» на неизвестную глубину.

Дед решил, что это сон, догадался не прикуривать, чтоб не запалить казенного дивана и, блаженно зажмурив глаза, подумал: «Видать расту еще...»

Каким образом закончилось его сновидение, и на сколько подрос он, остается загадкой.

В семь двадцать пять вылез из «Газ-31» перед котлованом директор НИИ. Он безрадостно поморгал вслед погружающимся в пучину аквариумным проходным и вымолвил: «Какого черта Кузьмухину надо? Всего-то два раза и отвез его секретаршу на дачу». Он захлопнул лоснящуюся черным лаком дверцу перед лоснящейся сонной мордой шофера.

– Гришенька, придется ехать домой, работать сегодня не будем... Проходная что-то низковато. А вообще-то жми на дачу.

Они укатили.

Через двенадцать минут подошли два «алика». Присев на краю и свесив вниз похмельные ноги, они распили бутылку вина местного разлива, после чего ввергли пустую бутылку в пучину, предварительно расколов последнюю прицельным броском о стену дома.

Да, да, радостный мой читатель, именно она стала второй жертвой беспощадного аномализма.

Собутыльники же, отряхнув помятые зады, отправились в порт загружать в контейнеры ящики с вышевыпитым вином.

В восемь двадцать девять у котлована с видом на уходящий в море дом собралось около ста восьмидесяти четырех служащих НИИ, двенадцать преподавателей школы ДОСААФ – в основном проворовавшиеся майоры в отставке, разжалованные из строительных батальонов; пять машинисточек машинописного бюро и их начальница; пьяный оператор котельной; неуместно трезвый начальник ЖЭУ; два сурово нахохлившихся работника особого отдела, угрожающими лапками перебирающие шифрами на секретных пластмассовых сундучках; директор клуба «Архитектор» и его хор в составе двух басов, двух сопрано, одного мецесопрано, семи теноров и ансамбля пляски кавказских мальчиков из двадцати семи человек – гордость директора клуба.

В восемь тридцать одну появилась нетрезво виляющая «Волга» директора НИИ.

Осознав непорядок массового невыхода на работу по причине недосыгаемости проходных, директор соскочил в воду, добултыхал до прозрачных дверей, отливающих уже глубинной зеленью, мужественно пытался их открыть, но силы покидали его, и с последними словами: «Ну, Кузьмухин, ну, гад, узнаешь!...» – выпустил никелированную ручку и исчез в мутной ряби.

О чем узнает предисполкома Кузьмухин, мы надеемся испросить, читатель, у крабов, обитающих в этих местах.

Через два часа, наконец-то, до сознания толпящихся на берегу дошло, что рабочий день на сегодня исчерпан.

Все разошлись. Кавказские танцоры, поплясав немного на краю котлована лезгинку, также удалились, оставив оператора институтской котельной Василича в бесконечном угарном одиночестве.

Специалист энергетических установок что-то доказывал ушедшему в пучину директору мудреными для нашего брата терминами.

– Дык ёлы... три секции во втором котле – давление не ночевало, а форсунки-то, слышь, как сипят! Дык рази это вспрыск, когда фють-фють и шахнул!

Он отчаянно показывал весь процесс руками: «Заслонки пышат в растуды, а термомётр никуды!»

В одиннадцать пятнадцать подъехали по ложному вызову пожарные на двух машинах. Одна с мотопомпой, вторая с выдвижной лестницей, но, убедившись, что здание не горит, а даже выгодно (в пожаробезопасном смысле) находится омываемым в проточной воде, покурили, незакопчёнными руками аккуратно сложили образовавшиеся окурки в привезенное с собой ведро с песком и со вздохом огорченного облегчения отчалили, подпрыгивая на ухабах, громяхая о головы новенькими касками и топориками, обметая с трепетных ресниц спросонную влагу.

В одиннадцать пятьдесят тишину торпедировал грохот эскадрона тракторов

Т-130

Берег наводнили оранжевые жилетки спасателей, блестящие оловянные головы водолазов, синие спецовки ремонтных рабочих.

Этот сброд нечеловеческими усилиями налепил по периметру здания стальную обвязку, а водолазы зацепили толстенный трос, разматываемый с лебедки на катере.

Трос делился у берега на две ветки, а далее каждая на четыре связки, которые цеплялись петлями на форкопы тракторов.

Но движение дома было значительным, и дружно затарахтели двигатели, так как машины, царапая бетон, уже подползли, подтягиваемые домом к обрыву.

Показалось всем – вот спасение! На минуту смещение прекратилось и только грохот и облако перемолотого гусеницами цемента и гравия повисло над берегом.

В этот момент потемнело небо, завыл дикий шторм, страшный вал ударил в бледный бетон набережной, отразился, охватывая двумя могучими струями – бурлящими потоками (словно двумя сведенными на горле руками) злополучное здание.

Звонко лопнул трос, как оттянутая резинка метнулся к стене, пробив в ней брешь в человеческий рост и юркой змеей пропал в проломе

Между мутными ситцевыми шторами таилась густая черная полоса. Ночь вглядывалась сквозь нее в его сон.

Сперва какое-то беспокойство охватило его и чужеродный, неестественный скрежет исторгся из его груди. Звук повторился, Он был невыносимым и болезненным. Звук похожий на истошный визг дисковой фрезы по бетону или камню, на скрип пенопласта, на возню битых, давимых и растираемых в муку стекол.

Он вскочил. Губы невольно повторили звук и мерзкая тошнота схватила горло.

Что-то назойливо беспокоило внутри и показалось ему – успокоение и равновесие придет, если спуститься вниз, в глубину подвалов, пустоту которых и опасную тьму он чувствовал словно свой желудок, чьи ходы были как его бронхи, и свет в эти подземелья поступал через его открытые глаза. Закрывая их, он рождал мрак в путаных жутких лабиринтах.

Что-то случилось в этой путанице ходов организма. Как нарушение обмена веществ, как прекращение подачи тока свежей крови. Обрывалась связь естества и сотворенного естеством, какое-то нелепое сопротивление механической куклы Творцу, бессмысленное, как усилие плевка из глубины океана, но зловещее из-за своей рефлекторной неосознанности.

Его тянуло вниз. Что-то происходило там.

Он вышел в коридор. Двери лифта почему-то открыты, но кабины не было.

Он украдкой глянул в пасть шахты и подивился ощущению, что смотрит вглубь собственной гортани. Внизу, на дне, маячил какой-то нервный огонек и гулко доносился визгливый скрип. Там определенно что-то происходило.

Он побежал по лестничному спироидному серпантину, но это был глоток и бросок пищи к желудку, толчок сердца и полет порции крови в дальний закоулок кровеносной системы.

Он понял, что спустился ниже уровня земли. Он был уже в подвале себя, ниже уровня условного восприятия символов и аналогий, в непредсказуемой фосфоресцирующей глубине подсознания.

Он почувствовал по гнетущей вязкости воздуха и сырости, что процессы, происходящие здесь необратимы, как в топке атомного реактора, и неосознанны, а следовательно неконтролируемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.